18+

Олег Васильевич Северюхин

Кольцо приключений

Книга 7. Кольцо спасения

Олег Северюхин

Кольцо приключений. Книга 7. Кольцо спасения

«Издательские решения»

Северюхин О. В.

Кольцо приключений. Книга 7. Кольцо спасения /
О. В. Северюхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741492-4

Вернувшись из путешествия, Владимир решил покрасить дверь в ванной. Пытаясь снять кольцо с запачканной краской руки, он стал крутить его и очутился в каком-то лесу рядом с группой первобытных людей. Вожак племени попытался убить пришельца, но Владимир одолел противника, принял власть перед племенем, но потерял кольцо. Владимир научил племя жарить мясо, ловить рыбу, делать веревки и сделал им луки. Появление Владимира дало толчок к созданию религии и появлению мессии по имени Иумухр.

ISBN 978-5-44-741492-4

© Северюхин О. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 16
Глава 6 18
Глава 7 20
Глава 8 22
Глава 9 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Кольцо приключений
Книга 7. Кольцо спасения

Олег Васильевич Северюхин

Иллюстратор Олег Васильевич Северюхин

© Олег Васильевич Северюхин, 2023
© Олег Васильевич Северюхин, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4474-1492-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Северюхин Олег

Глава 1

Из Калининграда в Москву я летел самолетом.

– У вас есть разрешение на холодное оружие? – грозно спросили меня на досмотре в аэропорту, указывая на видавшую виды бретту.

– Что вы? – деланно удивился я. – Это же сувенирная продукция, как фантастические мечи или самурайские принадлежности. Ими даже хлеб нарезать нельзя.

– В багаж, – распорядился проверяющий. В багаж так в багаж.

На взлете я увидел ферму, где осталась Елизавета, и мысленно помахал ей рукой.

Когда стали разносить кофе и чай, самолет стало потряхивать. Турбулентность. Это уже стало авиационной приметой, как разносят кофе, так начинает трясти.

Самолет летит по воздуху точно так же, как и моторная лодка несется по водной поверхности. Когда нет ветра, вода ровная и лодка идет ровно, не шелохнувшись. При небольшом ветре создается рябь и лодку начинает бить днищем о воду, как машину при езде по неровной дороге. При большой волне лодка-самолет старается все время держаться на гребне волны и самолет то подбрасывает вверх, то опускает вниз, и пассажиры боятся упасть вниз. Почему-то в воздухе люди боятся больше, чем на воде, хотя это практически одно и то же: и там, и там под ними среда, которая не является для них средой обитания, если они не рыбы и не птицы.

Последующие двое суток в поезде тоже не вернули меня к действительности. Вокруг была какая-то чужая жизнь. Куда-то спешили и бежали люди, держа в руках сумки, сумочки, барсетки, портфели, кейсы, тележки с поклажей, платформы с грузами… Кто-то делал деньги, кто-то их тратил, кто-то думал, как их сделать, кто-то думал, как их потратить. Вот что объединяет все времена и всех людей в них, наводит хоть какой-то порядок во взаимоотношениях. Деньги. Настоящими хозяевами мира являются не короли и президенты, а банкиры. Короли и президенты могут растоптать банкиров, но без денег банкиров растопчут королей и президентов. Причем топтать будут с большим наслаждением, чем банкиров.

Представьте, если бы не было денег вообще. Все равно нашлись бы какие-то предметы, которые бы стали заменой денег. А если бы таких предметов не было, то человек не додумался бы простого товарообмена, спросите вы? Тогда деньгами станет грубая физическая сила. Сейчас сила служит деньгам, а раньше силе служили все. Нет уж, пусть будет в мире деньги, чем мы будем в услужении горилл.

Так, за философскими рассуждениями я и добрался до дома, где меня ждали. Когда я уходил в путешествие, меня преследовало недопонимание со своей половинкой, которая уезжала жить к маме. Уехала так уехала, мама уже в возрасте и ее нужно проведать.

Каждый человек должен разобраться в себе и решить, что ему нужно. Если кто-то думает, что я буду бегать и суетиться, заваливать букетами цветов, на коленях вымаливать прощение за то, что я не делал, то этот человек глубоко ошибается. Это поняла и моя жена, которая была дома и встретила меня так, как будто никакая черная кошка между нами не пробегала. Хотя, так для сведения, я ужасно люблю черных кошек. Самые умнейшие и преданные существа.

Когда жена в душе увидела шрамы на моем теле, она не сказала ничего, только посмотрела на меня каким-то странно-строгим взглядом, не одобряя мои увлечения и манеру исчезать в никуда на неопределенное время.

– Когда-нибудь ты не сносишь своей головы, – сказала она задумчиво, – если бы я знала, где ты, то я бы меньше волновалась. Каждый раз ты возвращаешься совершенно другой, и я даже не знаю, какого человека я полюбила, и что от него осталось в том, которого я вижу сейчас.

– Я все такой же, – успокоил я ее, – каждый писатель выезжает в творческие командировки, чтобы набраться впечатлений, собраться с мыслями и окунуться в ту среду, о которой он собирается писать. И я всегда уезжаю буквально на два-три дня. Сейчас вот вернулся из Кали-

нинграда, буду писать о средневековых приключениях. Когда-нибудь я тебя возьму с собой в командировку, чтобы ты сама посмотрела, что значит погружение в среду.

– Не хочу я ни в какие командировки, – запротестовала жена, – ты мне лучше ответь, что это за шрамы?

– Это не шрамы, – с улыбкой сказал я, – это глубокие царапины, полученные во время конной охоты.

– Не доведет до добра тебя эта охота, – сказала мне жена.

Вообще-то она права. Все, я заканчиваю с путешествиями во времени. Пора остепениться и вообще заняться домом. Вот, краска в ванной потемнела. Нужно подновить косяки, дверь. Правда краска у меня просто масляная, а не синтетическая, сохнуть будет дольше, зато экологически чистый продукт и никаких вредных испарений в атмосферу квартиры.

– Милый, иди сюда, я уже накрыла стол и все приготовила так, как ты любишь, – донесся из залы голос жены.

Вот что значит любящий человек. С сегодняшнего дня я из дома ни ногой. Проснусь, сразу за компьютер и буду описывать все накопившиеся приключения. Не каждому дано такое.

Глава 2

Когда начинаешь новое произведение, то долго думаешь над тем, с какого слова начать его. Традиционное «жили-были» или «жил-был» заезжено до такой степени, что любой прочитавший эти слова сразу думает, читать дальше или не читать, и будет больше склоняться к тому, чтобы не читать. Начать с «однажды»? Но у меня все это было не однажды, и даже не дважды.

Начну со слов: «с утра мне было скучно». А что, пойдет. С утра многим людям бывает скучно, хочется заняться сразу всем и ничем одновременно. А, может, взять и покрасить дверь в ванной, а потом уже сесть и написать что-нибудь такое умное. Все-таки я хозяин в доме и что-то должен делать по хозяйству.

Я встал и пошел в кладовую, где хранятся мои инструменты и разные строительные запасы. Нашел банку с краской. Кое-как открыл. На краске толстая пленка. Проткнул ее, брызнув на себя жидкостью типа подсолнечного масла. Нет, это не масло, это олифа. Краска и олифа разделились и существовали отдельно. Краска внизу в виде густой белой массы и сверху темный слой олифы. Попытка смешать палочкой эту массу особого энтузиазма у меня не вызвали.

– На дворе новый век, а я должен палочкой булькать краску? – сказал я себе и пошел смотреть, чем мне может помочь имеющаяся в доме техника.

На кухне нашелся электромиксер.

– Слабоват, – сказал я и пошел в кладовую за электродрелью.

Дрель небольшая, имеет регулятор скорости и направления движения рабочего элемента. Венчик миксера как будто специально приспособлен для использования в дрели. Я поставил банку с краской на пол, подстелив газетку, чтобы не испачкать линолеум, и включил дрель. Техника есть техника. Не прошло и пяти минут осторожной работы с краскодрелемиксером, как в банке оказалась легкая и однородная масса белого цвета.

Аккуратно вытер венчик тряпкой и отправил его на место, на кухню. Перед входом в ванную комнату настелил на пол старые газеты, открыл дверь и стал красить дверную коробку, а если сказать просто – косяки, начиная с верхнего.

Никому не захотелось вместе со мной покрасить что-нибудь? Когда кто-то начинает красить, то со стороны всегда видно, где прокрашено хорошо, где плохо, где капли краски начинают свисать нитями и их нужно подцепить кистью.

Вертикальные и горизонтальные поверхности красить легче, чем те элементы, которые находятся вверху. Я привязал к банке веревочку и сделал веревочное кольцо, чтобы банку можно было повесить на шею. Удобно и руки свободны. Правой рукой я держусь за дверь ванной комнаты, левой рукой крашу верхний косяк. Прижал кисть к дереву, и вдруг немалая струя белой краски пролилась мне на руку. Знаете, всегда, когда стараешься красить очень аккуратно, чтобы ничего не запачкать, не забрызгать краской, всегда какая-нибудь струйка краски прольется туда, куда она не должна была пролиться. И кисть в краске, и рука в краске, и тряпки под рукой нет. И перстень мой заветный залит масляной краской.

Я попытался его снять, но вместо этого он провернулся в моей руке и не снялся. То ли рука затекла, то ли краска мешает снять, но перстень крутился, и ничего не происходило. Вероятно, краска как-то подействовала на перстень, что он не унес меня в то время, когда я только замышлял, красить мне дверь или не красить. Я бы тогда не стал красить. Не так уж плохо и выглядит эта дверь. В прошлом году красил. Обе руки испачканы в краске и никак не могу снять перстень. Зараза, да снимайся же ты. Ведь палец скользкий, ну чего бы тебе не сняться? Я крутил перстень, чтобы снять его побыстрее, вытереть, вымыть и самому очистить свои руки и вдруг в глазах моих потемнело.

Я стоял где-то на опушке леса. Густая трава по колено, а невдалеке песчаная проплешина, рядом с которой росло огромное дерево. И тишина. Абсолютная тишина. Хотя нет, подул легкий ветерок, и я услышал, как зашевелился лес, издавая шелест, который в тишине слышен как явственный звук. Где-то хрустнула ветка.

– Возможно, старая ветка упала под напором ветра, – подумал я и обернулся.

Метрах в двадцати от меня стояло стадо обезьян. Похоже, что это гориллы.

– Какие гориллы в Сибири? – сказал я себе. – Здесь горилл отродясь не было. В местных зоопарках их штук с десяток наберется, и никто их на выпас не отпускал. А тут их немало, примерно десятков пять будет вместе с детенышами. Хотя, не совсем они похожи на горилл. Больше на людей похожи, но на таких, какие жили в незапамятные времена на заре зарождения человечества. Тогда эволюция пошла двумя путями – одни человекообразные пошли дальше и стали развиваться как люди, добывая себе трудом пропитание. Другие сказали, что нам хватит еды и на деревьях, а если что, то сопрем у вас недостающее, но останемся свободными человекоподобными, которых не стесняют такие понятия, как совесть, ответственность и долг. Похоже, что эти из тех, кто решил эволюционировать дальше. Вот черт, мобильника с собой нет, а так бы сфотографировал на память и сказал… А что бы я сказал? Так мне и поверит кто-то.

Я хотел крутить кольцо, чтобы возвращаться, но зычный крик за спиной: «А-а-а-а-а-а» – просто-напросто напугал меня своей неожиданностью. Я повернулся и получил кулаком по физиономии. Падая, я схватил банку с краской, чтобы не разлить ее на себя.

Заросший волосами верзила с отнюдь не обезьяньим лицом схватил банку, сорвал ее с моей шеи и начал пить краску. Олифа она по вкусу сродни подсолнечному маслу. Меня сразу затошнило, как только я представил, что чувствует нормальный человек, которому захотелось выпить масляной краски. Вероятно, то же самое почувствовал и верзила. Он отбросил банку, и на его лице появилась гримаса отвращения к краске, ко мне и вообще ко всему, что его окружает.

Стуча кулаком по своей груди и крича что-то страшное, он бросился на меня. Поверьте, что у меня от изумления даже не сработало чувство самосохранения, чтобы как-то увернуться или убежать. Хотя, вряд ли бы я убежал от него. Просто раздразнил бы и разбудил в нем охотничий инстинкт.

Во времена, когда мне пришлось жить в одной съемной квартире на первом этаже старинного дома, мой домашний персидский кот поймал здоровенную крысу. Прижал ее лапой и с интересом смотрел, что она будет делать. Крыса не делала никаких резких и агрессивных движений. Аккуратно выползла из-под его лапы и так же не торопясь удалилась в дырку, откуда она пришла. Она не вела себя как дичь, и кот не бросился на нее. Иногда так и нужно вести себя в опасной ситуации, показывая, что я вас не боюсь, воевать не собираюсь, но мои зубы остры.

Глава 3

Соображать я начал только тогда, когда увидел, что руки этого существа, которые были несколько длиннее, чем мои, вот-вот сомкнутся на моем горле.

– Вот это да, – подумал я, – я у меня нет никакой «мамаша гиря», чтобы достойно встретить товарища. Сейчас сомкнет руки на горле, хрустнут позвонки, и не успеешь даже «мяу» сказать. И под рукой нет ни камня, ни палки, чтобы стукнуть этого типа по темечку. Одни руки остались и те в краске.

Когда не за что ухватиться, то хватаешься за соломинку. На то, чтобы струсить, не осталось времени. Думай, что можно сделать? Ничего лучшего я не придумал, как сложить в щепотку большой, указательный и средний палец и ударить этими щепотками прямо в глазные яблоки существа.

Мои удары достигли цели. Противник схватился руками за глаза и заревел, стоя на земле на коленях. У меня были секунды на дальнейшие действия. Нельзя ему дать опомниться. Вложив всю силу в удар, я ударил ногой по мошонке, болтающейся у него между ног. Результатом такого удара обычно является шок. Мой враг согнулся, встал на четвереньки и его начало выворачивать белой краской. Все, что было съедено им за последнее время, как по маслу вылетало из него. Затем он начал испражняться таким же цветом.

Попробуйте кто-нибудь выпить стакан подсолнечного масла. Не нужно никакой клизмы, потому что через несколько минут ваш кишечник очистится так быстро, что приведет в изумление видавших виды врачей. Я схватил дубину нападавшего и начал охаживать ею по его спине и по голове. Нужно было довести его такого состояния, чтобы он не имел сил к сопротивлению. Если я это не сделаю, то племя разорвет меня на куски. Неизвестно, чем они питаются. Может, они каннибалы и я с белым цветом кожи и румяным лицом сойду за молочного поросенка на их торжественный день по поводу удачной охоты.

Поверженный вожак потихоньку полз к огромному дереву, а я поднял над собой дубину и начал материться семиэтажными матами в отношении их самих, их родственников до седьмого колена, их создателей и врагов. Наконец, я выговорился, погрозил им кулаком и увидел, что на моем пальце нет перстня. Где же я его уронил? Я встал на коленки и начал поиски на земле, обходя белые следы лежавшего под деревом здоровилы.

Ничего я не нашел. Снова начал поиски. Без результата. Начало смеркаться. Племя стало укладываться на ночлег. Огня нет. Вероятно, не дошли еще до огня. Металлических и других предметов или орудий труда не видно. Есть дубины. Какой-то старик осколком большой кости орудовал над чем-то, раздавая всем пищу, которую они быстренько прожевывали.

Похоже, что это даже не каменный век. И у меня нет никаких инструментов, кроме банки с остатками краски. Эх, была не была. Я сунул палец в банку, испачкал его в краске и нарисовал на лбу две белые полосы, одну полосу я провел по подбородку. Как клоун, но выглядеть должно устрашающе. Опираясь на палку, я пошел к племени. Племя расступилось. Старик поднялся и подал мне кусок сырого мяса. Грязный кусок сырого мяса, от какого-то животного, я даже не представляю от какого. Голод не тетка, но сырое мясо я не стал есть. Все удивились.

Я отошел в сторону и прилег отдохнуть, размышляя, что мне делать дальше. Внезапно ко мне подошла молодая девушка и легла рядом, глядя в глаза и угадывая каждое мое желание. Понятно. Девушка вождя. Поодаль от меня пары деловито и со страстью занимались сексом, совершенно не заботясь о том, видят их или не видят. Естество на фоне естества. Одновременно продолжение рода человеческого, сексуальное воспитание подрастающего поколения и возбуждение людей, с возрастом утрачивающих потенцию. Глядя на такие картинки эрекцию можно увеличить и без домкрата, но у меня совершенно не было никакого желания на это, несмотря на горячее тело, прильнувшее ко мне.

Утром я встал с первыми лучами солнцами и пошел в лес. Лес был богат. Ягоды, грибы, ручеек с водой. Я умылся, вдоволь напился и начал жадно есть ягоды, по наитию определяя, что можно есть, а что нельзя. Племя было рядом и стало делать то же самое, что и я. Бывший вожак держался поодаль.

Я вернулся к дереву, собрал вокруг себя племя и стал им объяснять, что мне нужны камни, разные камни. Похоже, что они только подходили к каменному веку, потому что на их дубинах не было привязанных камней, не было копий с каменными наконечниками. Племя разошлось и скоро мне стали приносить разные камни, маленькие и большие, светлые и темные. Большую груду. Камни я стал сортировать по типам, чертыхаясь, что совершенно не уделял внимания каменному веку и вообще характеристикам камней.

Так, поверхностно, я знал, что самым распространенным элементом в земной коре является кремний в виде кремнезема, который может быть стеклообразным, кристаллическим, волокнистым. И минералы кремнезема могут иметь совершенно фантастический цвет. Часть камней я сразу отложил в сторону, потому что даже на неискушенный взгляд это были полудрагоценные камни и кроме как для поделок они ни на что не годились.

В числе поделочных камней был один серый камень с такими кристаллами, которые я не удержался и лизнул языком. И что бы это было, мои уважаемые пытливые читатели? Угадали. В точку. Кристаллы каменной соли. Обыкновенный натрий хлор, хлористый натрий, который мы ежедневно кладем в пищу, а некоторые люди вне зависимости от степени солености пищи все равно подсаливают ее. А это вредно. Для себя я сделал вывод о том, что где-то есть выход на поверхность месторождения каменной соли. И где-то недалеко. Поэтому мне нужно будет мобилизовать племя и застолбить эту территорию. Определить ее размеры, вступить в союз с соседними племенами и создать независимое государство со строгой иерархией. Плохо, что они говорить не умеют.

На большом камне я раскалывал принесенные мне образцы, отобрал камни, которые поддаются обработке, и из которых я им сделаю орудия труда. А сейчас я ищу камни, которые в простом языке называются кремнями, то есть те, которые могут высекать искры. Даже в детстве мы брали голыши, стукали их друг о друга и искры вылетали, небольшие, но вылетали. И сейчас я хочу сделать себе зажигалку, чтобы можно было развести огонь, и приготовить что-нибудь поесть.

Глава 4

Нужные мне камни я уже нашел, но время было к вечеру и искры стали видны очень хорошо. Яркие, мощные. Я собрал сухой травы, надергал ниточек из рубашки, знаками показал, какие дрова мне нужны и стал разводить огонь. Реальная жизнь отличается от киношной. Если мне придется надолго задержаться здесь, то я научу их разводить огонь при помощи больших кусков дерева, если им вдруг станет скучно и способ добывания огня при помощи кремней им наскучит.

Пучок из сухой травы и ниток лежал среди веток, но сколько я ни стучал камнями над ними, редкие искры падали на них и не производили того действия, которое я ожидал.

– Остановись, – сказал я себе, – подумай, из чего состоял зажигательный прибор. Первое – камень-кремень. Это у меня есть. Второе – кресало. Это железка, типа что-то напильника. Тверже кремня и за счет неровностей на металле количество искр возрастает в несколько раз. Трут – это тряпка, вываренная в щелоке и натертая углем и серой, чтобы разгоралась быстрее.

Среди обломков камней я нашел один камень с неровным разломом. Стал стучать камнями друг о друга и искры стали сыпаться поактивнее. И как будто даже дымком пахнуло. Минут сорок я колотился, и вдруг затлела ниточка, вслед за ней вспыхнула травинка, за ней другая, третья и пламя охватила зажигательный клубок. Сверху маленькие веточки, затем большие ветки и вскоре возле меня полыхал костер. Племя опасливо отодвинулось, только девушка спряталась за моей спиной и дрожала крупной дрожью.

Я встал, подошел к старику, ведавшему провизией, и протянул руку. Он понял и снова дал мой кусок мяса. Я не стал проверять его на степень сохранности и качества. В темноте ничего не разглядишь. Нашел палку, нанизал на нее мясо и стал поджаривать на костре. Мужчины из племени с опаской смотрели на меня, но по моим жестам ходили, собирали ветки или обламывали их с одиноко стоящего дерева.

Мясо сверху поджарилось и шипело пузырьками жира. Я клал кусок на камень, придавливал его палочкой и смотрел, какой сок бежит. Если с кроваво-красный, то мясо сырое (удивляюсь, как англичане едят мясо с кровью. Вероятно, по этой причине у них такое же брезгливое отношение к другим людям и такая же политика в мире). Наконец, пошел прозрачный сок. Зверек был жирненький, но не настолько, чтобы иметь куски сала сверху. А какой зверек, я даже и не стал фантазировать, чтобы не отбросить уже прожаренное мясо подальше.

С каким удовольствием я вцепился зубами в это мясо. Вкуснее ничего не едал, полизывая камень с кристалликами каменной соли. Немного мяса я оставил девушке. Она отрицательно замотала головой, но я оскалил зубы и зарычал на нее. С превеликим отвращением она стала есть мясо, все более входя в его вкус, и скоро на вертеле не осталось ни единого мясного волокна.

Я подложил еще дров в костер, проверил, где моя банка из-под краски, камни-кремни и уснул. Я чувствовал, что меня кто-то обнимал и гладил по всему телу, но это мне казалось просто сладким сном. Я спал на улице в теплой ночи под звездным небом, совершенно не думая о том, что могу и не проснуться, потому что консерваторы – враги всего нового, могли просто-напросто удушить меня и продолжать преспокойно себе жить по прежним порядкам и обычаям.

Я спал, и мне снилось, что я уже проснулся, лежу в своей постели, рядом жена, моя голова лежит у нее коленях, она гладит мои волосы и улыбается, а солнечные лучи ласкают мое лицо. Я сладко потянулся и увидел, что солнце бьет мне в лицо, вокруг меня стоит племя, а моя голова лежит на коленях женщины победителя во вчерашней схватке. В толпе я заметил и моего вчерашнего противника. Он стоял там как равный среди равных, и ничего угрожающего в его поведении я не заметил.

Я встал, взглянул на костер и увидел, что он потух. Я сунул руку в пепел и не почувствовал ничего горячего. Стал разгребать пепел и дуть на оставшиеся угольки и не увидел ни одного «живого». Неужели никто не догадался бросить несколько палок в огонь? Не догадались, а их нужно приучить к тому, что управляемый огонь – это друг, а не враг. Но, вероятно, повозиться с этим мне еще придется.

Я встал и в сердцах выматерился. Племя шарахнулось и отбежало от меня шагов на пять. Неужели и они знакомы с нашим матом? Вряд ли. Сами попробуйте, встаньте перед зеркалом и попробуйте произнести матерное слово. Только не делайте вид, что не знаете, что это такое и ни одного матерного слова не знаете.

В старые времена ходил такой анекдот. Чем отличается мат от диамата (диалектического материализма)? Мат знают все, но делают вид, что не знает никто, а диамат не знает никто, но делают вид, что знают все.

Так вот, встаньте перед зеркалом и выматеритесь. Увидите, что для произнесения матерных слов вам придется оскаливать зубы, потому что мат несет в себе агрессию. Любой мат, даже тот, который, как говорят некоторые люди, используется для связки слов. Мат должен пресекаться как словесная агрессия, направленная против находящихся рядом людей. Должна быть соответствующая статья в уголовном кодексе, потому что все преступления начинаются с мата, с агрессии. Так и я, сказав бранные слова, обнажил свои зубы и показал агрессию по отношении к племени.

Командование над ними я принял вчера в бою. Сейчас племя ждет, какие последуют команды по распорядку дня и последующему существованию. Назвался груздем, полезай в кузов.

Многие туповатого мышления граждане на все лады кричат, что офицеры в армии дармоеды и т. д. т. п. Если бы в армии можно было обойтись без офицеров, то без них бы и обходились. Сами бы добывали себе пропитание, обмундирование. Сами занимались боевой и идеологической подготовкой. Сами проводили строевые занятия, смотры. Сами садили себя на гауптвахту и отдавали под трибунал. Сами боролись с дедовщиной и неуставными отношениями. Сами писали себе уставы. Сами думали, как им защищать свою родину и т. п. И армия была бы не армией, а бандой, против которой, в конце концов, объединились бы все порядочные граждане страны и уничтожили ее до последнего человека, создав новую по образу и подобию всех существующих в мире армий.

Плохо, что туповатого мышления граждан избирают на различного рода должности и они уже по своему разумению недисциплинированного солдата, всегда мечтающего покомандовать генералами, начинают проводить военные реформы и хихикать, что, получили?

Я стоял перед племенем, а оно стояло передо мной и говорило – давай, командир, командуй. И, похоже, что у них даже языка своего нет, чтобы мысли свои выражать. Поставьте каждый себя на мое место и подскажите же, что мне нужно делать. А нужно что-то делать и немедленно, иначе люди опомнятся и скажут, а, ну, друг ситный, дуй отсюда, да побыстрее, а то мы тебя догоним, и тебе придется долго и с болью вспоминать о нашей встрече.

В армии с этим легко. В две шеренги, становись! Равняйсь! Смирно! По порядку номеров рассчитайсь! Вот уже и количественный состав известен, можно думать о силах и потребном количестве продовольствия. А еще нужен заместитель из местных, чтобы в случае чего подсказать, что мол, не едят они этого или водку не пьют совсем, вера не та.

Я пальцем подозвал к себе вожака. Этот жест понятен всем. И племя заинтересованно смотрело на меня, неужели я с утра буду утверждать свою власть побитием прежнего кумира? Не нужно создавать себе кумиров и тем более делать из кумиров своих врагов.

Я решил сделать инвентаризацию того, что есть в племени. Как я понял, скарбом и лишним имуществом они не отягощены. Постель – земля, крыша – небо, дом – весь мир. Я жестами ткнул в сторону племени указательным пальцем несколько раз, потом показал тем же указа-

тельным пальцем, что каждый должен подойти к нам и показать, что у них есть. Для этого я достал все, что было у меня в карманах. Минбай? Это по-китайски, обозначает ясно-бело, то есть понятно? Я еще добавил наше русское – «понятно?» Буду учить русскому языку всех. Так, потихоньку и языком будут владеть, хоть скажут что-нибудь. На мое вопросительное «понятно» бывший вожак не отреагировал никак. Пришлось это же «понятно» произнести как матерное слово. Мой помощник утвердительно закивал головой. Ну, что за люди? Говоришь им по-человечески – как об стенку горох. Но это же скажешь матом – с полуслова понимают. Так бы и сказал, начальник, а то все намеки да намеки.

Глава 5

Пока мой помощник ходил к племени и разъяснял мое требование, я собрал несколько веток и, воткнув их в землю, огородил место вчерашней схватки, чтобы никто не лез на это место и не затоптал мой перстень, принадлежавший когда-то самой Нефертити, а сейчас могущий спасти меня и вернуть домой. Втыкая ветку в землю, я издавал победный крик и грозил племени кулаком. Как бы то ни было, но племя все равно поняло это по-своему: я огораживаю место битвы как святое место, принесшее мне новое положение в обществе. Как бы памятник.

Мой помощник вернулся, и соплеменники стали подходить по одному, показывая, что у них есть. А у них ничего не было. Как у пролетариев. У двух стариков были обломки костей какого-то крупного животного, но кости старые и использовались как разделочныхе инструменты при дележке пищи и шила для прокалывания мягкой еще шкуры. Почти у всех были палки-палицы. И все. У женщин были какие-то корешки, которые они жевали и которые жевали мужчины. Было еще сушеное мясо. Как пища. Не густо. Одежда была легкая, в виде шкурок зверей, связанных сухожилиями. И накидка как одеяло для ночи. Наготы никто и не стеснялся, хотя от дерева познания они откусили порядочный кусок, потому что я видел, кто и как из них занимался сексом, не так уж они сильно отстали от нас в этом деле. Адама и Еву за это изгнали из Рая, а эти вряд ли помнят своих предков.

Я оставил мужчин рядом с собой и показал им, что мне нужны дрова и, показав на одну из дубин, постарался объяснить, что мне нужен ствол длиннее и намного ровнее. Дрова принесли быстро и сломали деревце, похоже, что березку, диаметром сантиметров в пять. Пойдет.

Я сложил костер. Подозвал поближе стариков и помощника, показал, как я делаю зажигательный колобок из сухих травинок, а здесь еще добавил молодую кожицу березки – бересту. Взял два камня – кремень и кресало – и стал высекать искры на зажигательный колобок. Искорки схватились и я стал аккуратно дуть на них, увеличивая их количество и добиваясь, чтобы они вспыхнули. Я показал весь процесс разведения огня. Сейчас не надо носить огонь с собой и поддерживать его в угольках или горшках. Не забыть бы. Посмотреть, где есть глина и водный источник.

Мужчины с интересом смотрели за моими действиями. Костер разгорелся. Я показал, что держу руки высоко над огнем и мне хорошо, но если я опускаю руки ниже, то мне становится плохо и я сделал гримасу человека, страдающего от боли. Старики первыми закивали головами, что поняли меня. Они держали руки над костром высоко и улыбались, затем опускали руки ниже и отдергивали их, повторяя за мной гримасы.

– Поняли? – спрашивал я, и они согласно кивали головами.

Я обломал ветки с принесенной мне березки и сунул комлевую часть в костер. Пока она горела, я стал раскалывать на большом камне принесенные мне камешки другим камнем побольше. Люди с интересом наблюдали за мной. Наконец, я нашел камень, который при ударе по нему начал слоиться пластинами. Пластины были твердыми и обрабатывались с трудом, но обрабатывались. Из одной пластины мне удалось сотворить что-то вроде наконечника для копья. Я держал этот камень в руках и улыбался, а люди стояли вокруг и тоже улыбались, но уже надо мной. Был бы художник, он бы изобразил меня на скале с надписью: «Чудак с камнем».

Но не будем столько критичны к людям, которых угораздило родиться в незапамятные времена, и современному человеку, по собственной глупости, попавшему в эти незапамятные времена. Пока я возился с камнем, комлевая часть моей дубины обгорела на участке сантиметров тридцати. Обработанным камнем я удалил обгоревшую древесину, и получилось деревянное острие с повышенной от огня твердостью.

Каждому мужчине я предложил потрогать это острие, чем вызвал немалое удивление. Одному старику я сказал – «хорошо» и повторил это слово раз десять, пока этот старик не ска-

зал мне в ответ «хорошо». Все заулыбались над этим первым языковым опытом, а я встал, немного разбежался и метнул свою заостренную палку как копье. Палка пролетела метров примерно двадцать и воткнулась в землю.

Никто не произнес ни слова. Похоже, что были поражены этим. Молодой парень сбегал и принес мое копье. Все снова начали осматривать его и мычать что-то поощрительное. Затем все мужчины стали совать свои дубины в костер, но я отогнал их от костра. Головой-то думать надо. Дубина есть дубина и кроме дубины из нее ничего не получится.

Одну дубину я подержал над огнем до тех пор, пока она не приобрела коричневый оттенок. Все достаточно. Она становится более твердой и уже не разломится при ударе о крепкий череп какого-то животного. Старичок, который стал везде говорить хорошо, стал моим помощником в оружейных делах. Он обжигал принесенную дубину, показывал мне, говорил «хорошо?», получал ответ, что «хорошо» и отдавал дубину владельцу. Молодые ребята принесли несколько стволов березок и сидели рядом, обрывая с них ветки. Маленькие дети крутились тут же, подбрасывая ветки в костер и прислушиваясь к нашему двухсловному общению.

Второй пожилой мужчина, у которого было костяное шило, принес имеющийся запас сухожилий животных. На больших животных племя не охотилось или им не попадались попавшие в беду животные, но и того запаса сухожилий мне хватило для того, чтобы закрепить изготовленный мной наконечник в расщепленный противоположный конец моего березового копья. Плохо получилось. Не крепко. Послал парня, чтобы он намочил связанные сухожилия в воде в ручье на опушке леса. Пока тот ходил, помог заострить три новых обожженных копья. Я помню, что с таким же интересом смотрел, как в кузне по соседству с дедовским домом работает кузнец по имени Кузьма в кожаном фартуке, как он в горне с углями цвета раскаленного солнца нагревал металл, а потом выковывал из них различные поделки и на каждом доме в деревне были его изделия с буквой «к», будь то засов или витое кольцо на воротах. Так и соплеменники смотрели на то, что я делаю. Заготовок для копий было много.

Наконец, вернулся посланец с сухожилиями от ручья. Не шибко приятная вещь смоченные сухожилия. Но капроновой нити нет, пользуйся тем, что есть. Кое-как с помощью одного из опытных людей с богатым жизненным опытом я укрепил каменный наконечник на моем копье. Копье поставил на ветерок, чтобы побыстрее засохло. И высохло быстро. Каменный наконечник даже не шелохнется. Он как раз и уравновесил комлевую и вершинную часть копья. Его можно было бросать и наконечником вперед и обожженным концом – результат один и тот же. Все мужчины восхищенно смотрели на это копье, и часть людей говорила «хорошо», а малышня так и стрекотала этими «хорошо». Представьте, как малыш со сверкающими глазами, дергает вас за испачканные краской штаны и говорит – «хорошо?». И сказал я, что и это хорошо.

Первый, разработанный мною образец вооружения, я в присутствии всего племени вручил своему бывшему противнику и похлопал его по плечу.

– Хорошо? – крикнул я.

– Хорошо, – крикнули мне в ответ.

Глава 6

Довольный от своей благотворительности я не заметил, как сам опустился в племенной иерархии на положение мастерового, которого и уважают лишь за то, что он что-то умеет делать, и когда нужно что-то сделать, а в остальное время он никто и звать его никак.

Обжигая очередное копье, я увидел, что подруга, ласкавшая меня ночью, уже сидит у ног моего бывшего, а, похоже, что и не бывшего противника и большая часть племени собралась вокруг и смотрит, как он машет своим копьем и что-то кричит воинственное. Время к вечеру, племя не кормленное, а он, похоже, решил революцию сделать.

Я подошел к нему совершенно безоружный, не давая возможности сообразить, зачем я пришел, то ли покориться, то ли извиниться. Пальцем левой руки я указал на его мошонку и как только он наклонил голову посмотреть, что там, кулаком правой нанес удар в нос и еще раз пнул ногой в пах. Многие люди даже в цивилизованном обществе воспринимают порядочность как проявление слабости, поэтому начальник должен ежеквартально проводить встряску своим подчиненным, чтобы они помнили, кто есть кто в этой организации и не расслаблялись, чтобы не вызвать внеочередной встряски. А этот молодец перешагнул прочерченную мной черту.

Забрав свое копье, я вернулся к костру, взял только что обожженную палку и бросил ему, пальцем показал сторону леса и матом сказал, чтобы он добыл зверя на ужин, издав еще пару хрюкающих звуков. Одновременно я накричал и на трех владельцев копий, с довольным видом сидевших около прежнего лидера.

– Я вам устрою социализм с коммунизмом, – кричал я на всю округу, – вы у меня будете вкалывать как папы Карлы за растрату, я с вас десять стружек сниму, но вы у меня будете нормальными людьми.

Что-то так мне захотелось закурить, а табачку не было и в помине.

Старичка помощника посадил у костра тесать камни и поддерживать огонь.

– Понял? – рявкнул я ему.

– Понял, – достаточно внятно ответил он.

Понял так понял.

Я сел у костра и стал заниматься подсчетами. Мужского пола примерно тридцать человек. Столько же женщин и десятка три ребят. Почти сто человек. Племя внушительное. Посуды нет. Кормежка сухим пайком, то есть дикоросами и чем придется. Если даже брать по сто грамм мяса в день на человека, то нужно не менее десяти килограмм, и это будет не чистое мясо, а с костями. Посуды нет, и навара не будет. Были бы инструменты, все можно было бы сделать. А тут только камни… Нет, не только камни. Вот она, моя банка из-под краски. Нужно беречь ее как зеницу ока. Банка заграничная. Жесть крепкая, это же готовая заготовка для режущего инструмента. Легко сказать, для резки металла нужны металлические ножницы или инструмент из металла. Я смотрел, как старичок колет камни, отбирая те, которые пригодны для изготовления орудий и машинально перебирал осколки, глядя на зазубренные края. Несколько осколков с блестками привлекли мое внимание особенно. Эти вкрапления там не случайны. Это корунд. Есть камень для заточки будущих металлических изделий. В том, что у нас будут металлические изделия, я даже и не сомневался. А сейчас я взял банку, обтер ее травой. Краска мне не пригодится, она уже засыхает, но потом засохшую краску труднее будет отскребать от банки. Затем взял осколок корундового камня и стал процарапывать борозду на дне банки по кромке. Терпение и труд все перетрут, и бороздка становилась все глубже, а потом и дно аккуратно провалилось внутрь. Получился жестяной круг и достаточно острый. Корундом я разрезал его на две половинки. Получились два режущих элемента. Старичок внимательно наблюдал за мной.

– Смотри, смотри, – сказал я ему, – нужно придумать, как сделать к ним ручку, чтобы не поранить руку при работе.

Словно бы понимая то, что я говорю, мужчина взял одну из веток, с помощью камня расщепил ее и в щель вставил одну из половинок донышка.

Молодец, я думал о том же, но размышлял, как лучше расщепить палку, а он взял и сделал это, ловко и быстро.

– Хорошо, – сказал я и поднял вверх большой палец сжатой в кулак руки, – Хорошо.

– Хорошо, – повторил мужчина и улыбнулся.

Остатками сухожилий мы скрепили импровизированную ручку. Вроде бы обзаводиться хозяйством стали.

К вечеру стали подходить охотники и сборщики. Четверо охотников во главе с бывшим лидером добыли четырех кабанчиков. Женщины принесли съедобные травы. Охотники стали с помощью копья, руками и камнями разрывать добычу, готовясь раскидывать ее по кускам.

– Стоять, – крикнул я и подошел к добыче.

Со мной был пожилой помощник, второй тоже присоединился. Поверьте мне, что мне никогда не приходилось разделывать добычу на охоте или держать домашних животных для последующего их поедания. Мясные изделия я всегда покупал в магазине в вареном, копченом, жареном и в колбасном виде. А сейчас мне нужно организовать разделку добычи, приготовление пищи и сделать этот процесс организованным и регулярным, чтобы и самому быть уверенному в том, что я ем нормальную еду, и не буду мучиться резями в животе после каждого приема пищи.

Конечно, жестянки не идут ни в какое сравнение с нормальными охотничьим ножами, приспособленными как для разделки туши, так и для колки дров и разбивания костей. Нормальный охотничий нож – это тесак, а не художественное произведение с гравировками и инкрустациями. Это так, чтобы потешить высокопоставленных охотников, у которых одно ружье стоит в сотни раз дороже всех затрат на организацию охоты и последующего застолья, потому что дичь все равно будет убита из простенькой берданки из-за угла, а разделывать добычу будут надежным, но неказистым на вид ножом, это уж потом охотники своими художественными произведениями будут отрезать кусочки от приготовленного мяса.

Тем не менее, преодолевая естественное отвращение, но мне удалось произвести разделку кабанчика в соответствии с правилами, разделив мясо на категории. Остальную добычу разделывали в два ножика, иногда переругиваясь за обладание инструментом и режа руки по неосторожности.

Племя ждало свой доли, но я не торопился, потому что готовил приспособления для жарки туши целиком на костре. Приготовление пищи закончилось поздно вечером и два кабанчика улетели влет.

Я сидел на возвышенном месте, дожаривая на собственном костерке лучший кусок мяса, а все соплеменники подходили ко мне и говорили – хорошо. Как быстро усваиваются хорошие слова.

Приятно, черт, подери быть благодетелем для многих людей, да только благодетелем нужно быть всегда, а не от случая к случаю.

Глава 7

Красотка прежнего вождя снова сидела у моих ног, улыбалась и заглядывала мне в глаза.

– Иди, детка, с глаз моих долой, – ласково сказал я ей и помахал рукой.

Она поняла и ушла, что было воспринято с одобрением в племени, но и стало делом серьезным, о чем я расскажу попозже.

Свергнутого лидера я не собирался слишком далеко отставлять от себя. Все враги должны быть под рукой, чтобы можно было вовремя пресечь их враждебность, а, может быть, потом и вообще сделать преданными союзниками. Таких в истории примеров много слышим, но мы истории не пишем. Фу ты, прямо как Крылов Иван Андреевич заговорил.

Каждое утро я начинал с осмотра отмеченного мною участка. Я ползал по нему на коленках и перебирал травинки и песчинки, иногда ударяя кулаком по земле. Как и куда мог деться мой перстень? Потом я стал замечать, что люди ползают по этому участку и повторяют мои движения. Похоже, что они молились какому-то неведомому Богу, который привел меня сюда.

Постепенно жизнь налаживалась. Охота стала регулярным делом. Жареное мясо хранилось дольше. Племя переместилось поближе к речке. Лес был неподалеку. Я научил их ловить рыбу с помощью ловушек из прутьев, которые в наших местах назывались «мордушки». Для приманки в них бросались остатки от наших трапез. Также я научил их запекать рыбу.

Попутно я научил их плести корзины из тонких прутьев. Вначале грубые корзины для переноски грузов. Потом женщины стали использовать более тонкие прутики и делать корзинки небольшие, но для них удобные.

В лесу я нашел деревья похожие на вяз и липу, научил сдирать кору с деревьев и отделять внутренние волокна. Их называют по-разному луб или лыко, которые достаточно прочны, и их можно использовать как обвязочный материал или для изготовления каких-нибудь вещей путем плетения. То, до чего люди доходили веками методом проб и ошибок, доставалось моим подопечным легко и сразу. Но нужно отдать им должное, что учениками они были усердными.

«Рудознатцы» рыскали по всей округе и приносили мне камни и образцы земли. На куске бересты я рисовал схему местности и отправлял разведчиков в те места, которые мне были неизвестны.

Самым удачным днем был тот, когда мне снова принесли камни с кристалликами каменной соли. Если есть соль, то и пища будет такая, какую есть приятно, все-таки без соли не так вкусно, да и заготовки можно делать. Но вот что мне было нужно в первую очередь, так это глина. И мне придется искать ее самому, потому что вряд ли кто-то найдет ее без подробных разъяснений.

Люди научились говорить слово «хорошо» с разными интонациями, от ласковых до угрожающих и им, похоже, это нравится. Еще они знают мое имя – Владимир. Но называют меня Димир, так проще сказать.

Уж чего проще найти, так это глину, так думает каждый человек, видевший керамику и кирпичи. Красноватая и мягкая. Я тоже так же думал, пока мне на практике не довелось столкнуться с кирпичным производством. Все просто, да только глина в карьере добывается сухая, как бы порошковая, а мягкой и эластичной она получается только после смешивания с водой. И вообще, глина – это горная порода, состоящая из алюмосиликатов. При смешивании с водой получается масса в виде теста, из которой лепятся различные изделия, которые при высушивании сохраняют свою форму, но усыхают, а после обжигания приобретают каменную твердость.

Специалисты рассказывали мне, что в состав глины входит каолинит как продукт, остающийся после разложения и выветривания из породы полевого шпата. По содержанию каолинита глины делятся на жирные, то есть пластичные, нормальные и тощие, малопластичные,

на огнеупорные и легкоплавкие. Из одних можно выпускать только кирпичи, из других посуду, из третьих огнеупорные кирпичи и так далее. Оказывается, о глине есть целая наука и люди даже диссертации защищали по ней, а специалисты по глинам всегда были в цене.

За то короткое время, что я здесь нахожусь, я приобрел достаточный авторитет, и мое слово было как закон. Признаков подготовки дворцового переворота не отмечалось. Женская половина ко мне относилась очень хорошо. Можно было и мне возглавить одну из разведгрупп.

Поход по нетронутой человеком земле интересен потому, что природа сама дает людям то, что им нужно для существования. Это уже потом человек захотел большего и стал выворачивать внутренности матушки-земли, выпивая из нее последние соки и засоряя отходами своей жизнедеятельности. Отблагодарил, «выбил окна и дверь, и балкон обвалил».

Глину я нашел неподалеку. Нормальную глину, поплевал на нее, и она стала вязкой. Находку отметил на своей карте-схеме. И неподалеку я нашел камни, тяжелые, черноватого цвета с металлическим блеском. Не догадываетесь что это? Догадываетесь. Это самый натуральный магнитный железняк, а на некоторых камнях даже немного ржавчина появилась. Металл. Железняк – это не фамилия депутата Госдумы и революционного матроса, который шел на Одессу, а вышел к Херсону. Железняк – это не железо. Это исходный продукт для изготовления чугуна, а уж потом из чугуна получится то железо, которое используется для всех целей. Чугун тоже нужен. Например, котел общий сделать, сковороду, еще чего-нибудь, что не нужно обрабатывать после отливки. И сразу планов громадье – сделать такое количество предметов, чтобы обеспечить себя на всю жизнь. Да, на всю жизнь. Неужели мне придется провести всю жизнь в этом племени в заботах о хлебе их насущном и жизни приличной? Что ж, если я не найду свой перстень, то буду строить капитализм в отдельно взятом племени деревянного века, удваивать или удесятерять внутриплеменной валовой продукт и решать демографические проблемы по повышению рождаемости и культуре половых отношений на текущий момент.

Глава 8

Племя со здоровой долей скепсиса относилось к моим задумкам. Пацанва уже немного говорила на русском языке, нахватываясь словечек, которые я не жалел во время работы. Похоже, что первым человеческим языком был матерный, потому что он подхватился в племени как чума, как зараза.

Как хорошо было, когда они все только мычали или без слов били дубиной друг друга в лоб. А сейчас, когда заговорили, получился целый базар из торговок и пьяных торговцев. Хоть святых выноси. Я рот на замок и свой базар стал фильтровать особенно тщательно. Пацанам щелкал по лбу, как только слышал мат. И взрослые тоже, глядя на малышей, стали опасаться получить щелчок по лбу, потому что нашедшиеся добровольные помощники стали сразу рьяно бороться за чистоту раннего языка на территории будущей Российской Федерации. Пришлось и помощников этих урезонивать.

Как только начинается борьба с ревизионизмом или неуплатой налогов, так сразу находится толпа добровольных помощников, которые готовы денно и нощно следить за своими согражданами и уличать их перед соответствующими органами как лично, так и не лично путем посылки писем «счастья», начинающихся словами: «Как истинный патриот не могу молчать…» или «Источник сообщает…». Иногда с подписью, а чаще всего без подписи. Зато как хорошо начальника подсидеть, соседу жизнь испортить, органы работой под завязку загрузить. Все суетятся и человек доволен – гражданский долг выполнил, а там пусть разбираются, то ли тот шубу украл, то ли у того шубу украли, но шубное дело висит и требует отчетности. И так идет с первобытных времен.

– Учтите, – говорил вождь племени или вождь всех народов, – у каждого процесса должна быть нарастающая тенденция. Если боремся с врагами народа, то количество врагов должно увеличиваться.

И оно увеличивалось, а не уменьшалось. Вернее, уменьшалось, но не настолько, чтобы совсем остаться без работы. Если с преступностью борются, то должно увеличиваться количество пойманных преступников и увеличиваться количество дел, а не уменьшаться, иначе скажут, а за что мы вам деньги платим? Количество преступлений уменьшается, а вы тут сидите и ряшки отъедаете? Сократить на три четверти!

И сокращают по генеральному гениальному указанию. Где был городовой – стал висеть плакат за трезвый образ жизни. И сразу преступность стала расти в разы. Творцы гениальных указаний под шумок начинают возвращать городовых и все снова пошло по кругу.

Все в России у нас идет так от того, что цари у нас бессменные. Вроде бы добились, чтобы не больше двух сроков, так они эти сроки увеличили, и опять стали чуть ли не пожизненными. А вот когда каждые четыре года приходит новый царь, народом избранный, то он знает, что ему через четыре года ответ держать придется за то, что наворотил или наворочал от имени народа. И за эту навороченность дел ему можно и в тюремной камере посидеть, то он начинает думать над тем, чсто же все-таки длч нарорда пользительнее и не противозаконно.

Так и мне, полицию нравственности сократил до двух единиц и с меньшими правами, зато сам стал образцом для подражания, и кривая нравственности пошла вверх. Женщины из лыка стали себе юбки делать да кофточки. Погодите дамочки, руки и до вас дойдут. Видел я тут невдалеке крапиву да коноплю, будут у вас кофточки самые что ни на есть настоящие. Еще пофорсите перед своими мужиками, удовольствие им доставите самим процессом раздевания перед обладанием.

Как бы то ни было, но техническая революция в пределах одного племени продолжалась и даже неплохо. Как говорят, быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается. Попробуйте поделать кирпичи без инструментов, одними ладошками, да еще без посуды, где

можно развезти глину. Проблему с технической посудой я решил достаточно быстро. Взял плетеную корзину, обмазал внутри глиной и высушил на солнце. Другие корзины обмазывали без меня, зато появились емкости для воды. Вода была чистая. Пей, откуда хочешь, из ручья, из реки. Чистая вода. А кирпичи у меня получались в виде калябушек. Сушил их на траве. Дом я не собирался строить, но мне нужна была печь для моих металлургических опытов. Нужен был металл. Нужен как воздух. Может, даже больше, чем воздух.

Я не замечал, чтобы наши люди общались с кем-то из других племен, да и вообще я не видел в округе других людей. Не так уж много было их в то время, и каждый человек воспринимался как угроза, в первую очередь, и встреча сопровождалась взаимным оскаливанием зубов, чтобы предупредить возможную агрессию. Потом уже это превратилось в улыбку, но первоначальное значение жеста улыбки – не подходи – загрызу. Да и сегодняшние некоторые улыбки сродни первобытному их значению.

Наши люди стали уходить в разведку дальше и, возможно, попадали в зону ответственности других племен, дымы наших костров далеко видны в чистом воздухе, привлекая к себе более сильных и более смелых. Поэтому нам нужно было готовиться к защите от любого противника. Естественно, будем устанавливать нормальные отношения, родниться с племенами, дружить вождями, дружить женщинами и быть в постоянной готовности к отражению нападения. Поэтому я и распорядок себе составил, чтобы успевать со всем. Подъем и отбой – на заре, до полудня – занятия с воинством, изготовление оружия. В два часа – обед, до четырех – отдых, с четырех и до ужина – кирпичное производство. Спросите, как это я так во времени ориентируюсь? Небось, часы на руке были? Не было часов. Солнце было. По деревьям определил, где северная сторона. Палочку в землю воткнул – вот и солнечные часы. Все просто, как и все гениальное, изобретенное человеком.

Я почти полмесяца готовил сотню кирпичей для того, чтобы построить печку. Основное заключалось в обжиге кирпичей. Почти сутки нужно их обжигать, чтобы получилось то, что надо. Сейчас этим кирпичом можно как орудием пользоваться. Хорошая мысль, нужно продумать изготовление керамических снарядов для метательных машин.

Одновременно подростки рядом со мной лепили миски. Не особенно красивые, но для переноски воды они годились.

Глава 9

Печником никогда я не был, но соорудил печку из кирпичей и глины. И поддувало было, и труба, и летка для выпуска металла и обжег печку достаточно. Нужно делать меха, благо с мехами мне уже пришлось повозиться в одном из своих предыдущих путешествий, а вот металл выплавлять не приходилось. Знаю, что китайцы во время «большого скачка» у себя в огородах плавили чугун, качество было плохое, а нам не до качества, чугун нужен любой, чтобы из него железо получить.

Беда пришла внезапно. Я инстинктивно ждал этой беды, но думал, что обладание огнем избавит нас от этой беды. Вероятно, виной были вкусные запахи. На нас напал медведь. Вылез из леса. Огромный. Похоже, что саблезубый, потому что клыки были огромные. Народ врассыпную. Справиться с таким громилой почти что невозможно, если будем разбегаться в разные стороны. Медведь уже двух человек пришиб и дальше идет. Я матом – ко мне! Я не скажу, что я человек храбрый, но здесь поневоле станешь храбрым, потому что все смотрят на тебя и ждут от тебя защиты. Убежать вряд ли кому удастся, медведик догонит, пришибет и прикопает, чтобы душок пошел, а он уж потом лакомиться будет не торопясь.

Если встретитесь где-то с медведем, то никогда не смотрите ему в глаза, отводите взгляд и лучше всего закричать громко-громко, заблажить, как говорят в деревнях. Ох, не любит медведь таких звуков, как правило, уходит подобру-поздорову. А если не уходит, то нужно от него уходить, не сильно торопясь, но и сильно не задерживаясь, и лучше бросить какую-нибудь свою вещь, которая ему по запаху не будет особенно приятной, например, платочек надушенный или портянку пропотевшую. У медведя сразу появляется такое брезгливое выражение на морде, что не приведи Господь. Или, как рекомендовал Дерсу Узала, нужно по пустой консервной банке ножичком стучать. У нас, как вы понимаете, целой консервной банки не было, ножиков тоже и саблезубый медведь отличался от своих более поздних собратьев совершенно неукротимым нравом.

В нашем случае о схватке один на один и речи не было. Нужно подхватывать детей на руки, женщин под руки и нестись стремглав к пещере, где буквально с недавних пор стало обитать племя. На карстовую пещеру наткнулись совершенно случайно во время разведывательных походов. Пещера была большая. Вероятно, раньше эта местность была затоплена водой. Воды прорыли себе дорогу в горной гряде и ушли, оставив нам речушку, несколько питающихся от лесной влаги озерец и вот эту пещеру, вход в которую пришлось расширять. В теплую погоду намного комфортнее ночевать на поляне у леса, чем в пещере, где не так уж и холодно, но ночью достаточно свежо из-за сквозной дыры, выходящей куда-то вверх и обеспечивающей хорошую вентиляцию при разжигании костра в пещере. Здесь у нас хранились некоторые запасы, и было убежище, к которому нам не приходилось прибегать. Жилище на крайний случай. Крайний случай как раз и пришел.

Медведь не был сильно голоден и шел не торопясь, загоняя жертв к горной гряде. Вход в пещеру представлял собой коридорчик, в котором, как всегда получилась маленькая пробка. Всегда находятся люди, которым нужен комфорт, и они загораживают проход. В опасный момент таких людей лучше выкинуть за борт или затоптать, чтобы остальные могли спастись. Не повезло двум женщинам, застрявшим в узком проходе. Как на переправе. Если остановилась машина с грузом любой важности, эту машину без сожаления скидывают в воду для обеспечения переправы основных сил.

На входе у нас лежали несколько обожженных копий и копье-таран сантиметров десять в диаметре, чтобы останавливать массу врагов. Вот этот таран мы и подняли, направив острие в медведя. Медведь не наткнулся на таран, но он ему мешал идти вперед, а несколько человек, стоявших на возвышенностях коридора, лупили по голове медведя дубинами с привязанными

к ним увесистыми камнями. Какая бы крепкая голова ни была у медведя, но каждый удар сводил его глаза в пучок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.